

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451

УДК 330.8

МУДРЫЙ СТАРШИЙ ТОВАРИЩ ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ

Ханин Григорий Исаакович,
*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
khanin@yandex.ru*

Аннотация

В статье рассказывается о моем знакомстве с выдающимся советским, а позднее американским экономистом и социологом Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Описывается его работа в научных институтах новосибирского Академгородка, его политические и экономические взгляды. Приведены оценки, данные Шляпентохом видным новосибирским экономистам и социологам 1960-х годов, его отношение к политическим событиям в нашей стране и в мире. Анализируется отношение Шляпентоха к политическому процессу Синявского–Даниэля и к истории с подписанием учеными Академгородка «письма протеста». Оцениваются его книги: «Социология для всех», «Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом», «Нормальное тоталитарное общество», «Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры». Описывается отношение Шляпентоха к еврейству и иудаизму. Рассказывается о моих встречах и разговорах с Владимиром Эммануиловичем после переезда его в Москву, а затем в США.

Ключевые слова: Шляпентох В.Э., социология в СССР, Академгородок, «Современная Россия как феодальное общество».

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. Мудрый старший товарищ Владимир Шляпентох // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 1. – С. 437–451. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451.

Новосибирский Академгородок

Совершенно забыл (прошло более 50 лет!), при каких обстоятельствах я познакомился с Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. Это произошло в 1966 году, вскоре после моего приезда в Академгородок и в начале

работы на экономическом факультете Новосибирского государственного университета. Инициатива, конечно же, была его: он был жаден до новых людей, которые почему-то привлекли его внимание. Сразу поразила его внешность: рыжие волосы, высокий лоб, толстые губы, подслеповатые на вид глаза. И исключительная доброжелательность, и интерес к собеседнику независимо от его статуса: я тогда был просто преподавателем и ничего серьезного в науке еще не сделал. А он уже был доктором экономических наук, автором заметных публикаций.

Так или иначе, мы подружались. Учитывая разницу в возрасте и заслугах, поначалу не так тесно, как он дружил со своими сверстниками и более заслуженными коллегами. Но постепенно, по мере знакомства у нас установились доверительные отношения на почве близости политических взглядов: мы оба критически относились к сталинизму и к советской действительности того времени – раннего и тогда еще довольно мягкого брежневизма. Поняв, что мне можно доверять политически, он вскоре после знакомства пригласил меня в гости. Я раз в месяц или два бывал у него дома и познакомился с его женой Любой и детьми–школьниками: старшим Митей и младшей Сашей.

Дружественный прием в доме привлекал меня, тогда еще холостяка. Люба была милостивой, интеллигентной и остроумной женщиной. Она вовсе не смотрела в рот Шляпентоху и нередко ему возражала. Митя (при нашем знакомстве ему было лет 14–15) был рыжеволосым и энергичным мальчиком, в обоих отношениях похожим на отца. Через пару недель после начала учебы в первом классе он в слезах из-за насмешек товарищей прибежал из школы и заявил родителям: не хочу быть рыжим, евреем и Шляпентохом! Родителям долго пришлось его успокаивать. К моменту нашего знакомства он уже совершенно не комплексовал, что он рыжий, еврей и Шляпентох. К концу пребывания в Академгородке он поступил на исторический факультет НГУ, историю Митя очень любил.

Первый урок, который преподавал мне Шляпентох, был связан с моей рецензией на книгу одного советского экономиста о монополии внешней торговли. Я тогда был (как впоследствии справедливо говорил Аганбегян) фанатичным рыночником. Критика командной экономики в начале второй половины 60-х годов в СССР уже шла вовсю, но она не касалась одного из оплотов командной экономики – монополии внешней торговли, которую защищал сам Ленин. Только один журнал в СССР тогда мог осмелиться критиковать монополию внешней торговли – «Новый мир» Твардовского. Я, как и многие другие, мечтал печататься в «Новом мире», который чрезвычайно ценил.

Теперь представился повод. Речь о рецензии, которая в этом журнале была удобной возможностью изложить оппозиционные взгляды. Я ее

написал, обосновывая отказ от монополии внешней торговли изменившимися со времен Ленина условиями и благотворностью для отечественных производителей соревнования с иностранными. Показал Шляпентоху. Тот ничего не сказал о содержании, здесь мы были единомышленниками. Заметил только: «Гриппа, написано слишком сухо и прямолинейно. Вы должны с первого предложения захватить читателя и уже не отпускать до конца статьи». Я всё понял, переделал рецензию и вновь показал ее Шляпентоху. «Это совсем другое дело», – сказал он. Вскоре, к моей большой радости, она была опубликована в «Новом мире». Говорят, что мои статьи увлекательны, что редко встречается у экономистов. Этим я обязан уроку Шляпентоха. Сам он писал легко и увлекательно.

Постепенно я узнал Владимира Эммануиловича глубже. Лекций его я, к сожалению, не слушал, но многое узнавал из разговоров с ним и наблюдений за его поведением. Я часто заходил в библиотеку Института экономики посмотреть новые журналы и книги. Неизменно с утра я обнаруживал там одного человека, обложенного книгами, – Шляпентоха. Книги были преимущественно иностранные. Не обязательно по социологии – помню один из томов 12-томной книги Тойнби, о котором только слышал. Эрудиция у него была потрясающая, на много порядков превышающая такую у известных мне лично и по литературе гуманитариев.

Этому содействовало знание им многих языков. Впоследствии писали о десяти. Я наблюдал английский, французский, итальянский, польский. В газетном киоске на почте в верхней зоне Академгородка в то время продавались коммунистические газеты из ряда стран (теперь и российские плохо раскупаются), и Шляпентох регулярно покупал кипу этих газет: *Юманите*, *Дейли Уоркер*, *Унита*, польская *Трибуна Люда* и другие. Особенно много в период политических кризисов в мире и социалистических странах, о которых советская печать писала мало и тенденциозно. В этом отношении памятен 1968 год с событиями в Чехословакии и антисемитской компанией в Польше. Я тогда тоже много читал английские и чехословацкие газеты, и нам было о чем поговорить. Мы оба, как и многие другие интеллигенты, очень переживали в связи с событиями в Чехословакии: сочувствовали демократизации там, надеясь, что она станет примером и для СССР, и опасались ее срыва в связи с советским вмешательством. Для нас обоих был трагедией день 21 августа – вторжение СССР в Чехословакию.

Всё меньше радовали и дела в СССР. Еще до событий в Чехословакии начался зажим интеллектуальной жизни в СССР. В связи с Шестидневной войной между Израилем и арабскими странами усилился официальный антисемитизм. Произошел первый за многие годы процесс против двух писателей – Синявского и Даниэля, который вызвал протесты многих интеллигентов. Началась подписная кампания. Ввиду моей незначительной

роли в жизни Академгородка ко мне за подписями не обращались. Но к Шляпентоху, конечно же, обращались. Он письмо протеста не подписал.

Думаю, что эта история принесла ему много переживаний. Можно не сомневаться, что подписанты его обвиняли в трусости. Шляпентох слишком хорошо знал советскую историю, чтобы не предвидеть репрессии против подписантов, которым он сочувствовал. Так и произошло. Большинство подписантов покинули Академгородок, многие были уволены. Когда я особенно горячо осуждал советское руководство за Чехословакию и преследования инакомыслящих, Шляпентох с тревогой спросил: «Гриша, Вы не собираетесь совершить террористический акт?» Террористический акт я совершать не собирался.

Иногда в наших разговорах всплывали по аналогии со сталинизмом и послесталинским периодом различные исторические сюжеты. Историю XIX–XX вв. я знал неплохо, и здесь мы были на равных. Но нередко Шляпентох оперировал примерами из древней и особенно средневековой европейской, намного реже русской истории, и здесь он был несравненно более образован и глубок. Только впоследствии я узнал, что он учился на историка. Я тоже мечтал быть историком и читал много исторических книг, но учиться на историка не стал: своевременно понял, что в СССР историческая правда не нужна. Уверен, что по этой же причине сменил профессию и Шляпентох. Но любовь к истории не прошла. Поэтому-то он и читал Тойнби.

Экономика казалась более безопасной. Но и здесь он избрал экономическую дисциплину, связанную с историей, – историю экономической мысли. Более узко – набравшую популярность математическую экономику. Ему пришлось овладеть высшей математикой, что гуманитариям всегда давалось нелегко. Но и здесь сказался его талант: он сумел преодолеть этот барьер. Его руководителем при защите кандидатской диссертации был И.Г. Блюмин, о котором он всегда отзывался с огромным уважением. Подозреваю, что и в Институт экономики СО АН Шляпентох попал в связи со своими работами по математической экономике, поскольку Аганбегян разворачивал в нем работы именно в этом направлении.

Никогда он не объяснял мне (а я не спрашивал), почему сменил в очередной раз профиль своей деятельности и стал социологом. Выскажу предположение: социология была ближе к истории и современности. Возможно, он понял и ограниченные возможности математической экономики. Но в очередной раз потребовалось овладеть новой наукой и преуспеть в ней. Это тоже требовало огромных усилий. Мало знакомых мне людей были на такое способны. По мнению ряда социологов, Шляпентох был родоначальником социологических исследований в СССР. Не берусь судить, насколько это обоснованно. Скорее всего, этой наукой заинтересова-

лось несколько энтузиастов под влиянием иностранной литературы. Но в ее пропаганде он определенно был впереди других.

Здесь огромную роль сыграла его книга «Социология для всех». Я ее с интересом прочитал при ее выходе, но не более того: она была далека от основных моих научных интересов. Сейчас, перечитав заново, я поразила ее ясности и яркости, огромной эрудиции автора и необычности его рассуждений для советской гуманитарной науки того времени. Только один пример: при характеристике выдающихся западных мыслителей тогда обязательно требовалось указать на их ошибки (как говорил учитель Мельников в фильме «Доживем до понедельника», этот не учел, тот не понял). У Шляпентоха это начисто отсутствовало. Конечно, были и неизбежные «прокладки» в виде теории классов, ссылок на исторический материализм и прочее, но читатель чувствовал их чужеродность основному содержанию книги.

Впечатляли рассуждения о важности знания реальных фактов для руководства социалистическим обществом и важности в этой связи конкретных социологических исследований. Получи они развитие в СССР, не пришлось бы Андропову спустя 12 лет жаловаться, что «мы не знаем общества, в котором живем». Я обратил внимание на критику многих экономико-математических исследований за отсутствие практического результата и даже на необходимость учета числа публикаций и индекса цитирования как критериев оценки деятельности ученых, что актуально до сих пор. Вообще обращает на себя внимание прекрасное понимание реальной жизни советского общества того времени в самых разнообразных областях. К сожалению, практически мимо моего внимания прошел первый в СССР значительный опрос общественного мнения среди читателей газеты «Известия». Видел только, что Шляпентох им очень увлечен и отдал ему много сил.

Частенько при наших встречах шел разговор об Институте экономики, где Шляпентох работал, о его руководстве и сотрудниках. Он весьма критически отзывался о его директоре Аганбегяне. За авторитарный стиль руководства Шляпентох называл его «маленьким Сталиным», низко оценивал его как экономиста, считал авантюристическими обещания чуда для экономики СССР в результате применения различных экономико-математических методов. Зная об этих методах по западной литературе, он видел их реальные возможности. Низко оценивал Шляпентох и общекультурный уровень Аганбегяна. Наверное, он сравнивал его с собой. Я к концу 60-х годов, после чтения статей Аганбегяна и посещения его публичных лекций, пользовавшихся большим успехом у дилетантов, пришел к аналогичным выводам, так что здесь у нас было полное взаимопонимание.

На отношении Шляпентоха к Аганбегяну, как мне кажется, сказалось предпочтение, оказанное последним Заславской в качестве заведующей

социологическим отделом. Она была несравненно послушней Шляпентоха. Но я не помню какие-либо его отзывы о ней. Люба несколько сдерживала критический пыл Шляпентоха в отношении Аганбегяна, обращая внимание на его достоинства и возможности, которые он предоставлял многим ученым в научной и педагогической деятельности. Сказанное Любой относится и ко мне: я тоже приехал в Академгородок по приглашению Аганбегяна. К достоинствам Аганбегяна можно отнести и его доброжелательное отношение к евреям: их было много среди сотрудников института и даже в его руководстве. Следует иметь в виду в этой связи, что работы и исследования Шляпентоха повышали престиж Института экономики, чего не мог не ценить Аганбегян.

Высоко Шляпентох оценивал экономистов Карагедова, Богачева, Меньшикова. Все они вслед за Шляпентохом в 70-е годы покинули Институт экономики. Тепло отзывался о декане экономического факультета НГУ Орлове и Гранберге (будущем, через 15 лет, преемнике Аганбегяна на посту директора института). Среди очень близких Шляпентоху назову историка Варлена Львовича Соскина и его жену Анну Наумовну, студента экономического факультета НГУ Владимира Конторовича. Владимир Конторович был сыном лучшего друга молодости Владимира Эммануиловича, который погиб, когда Володе был всего лишь год. Шляпентох считал своим долгом заботиться о сыне своего друга. Он любил Володю за его характер и способности. Впоследствии Владимир Конторович даже раньше Шляпентоха уехал в США и стал там весьма известным и уважаемым исследователем советской экономики.

Шляпентох, по моим тогдашним наблюдениям, был необычайно популярен в Академгородке. Когда мы гуляли по Академгородку, к нему постоянно подходили люди самых разных специальностей. Так, он дружил с молодым тогда физиком Захаровым (ныне это один из самых цитируемых в мировой литературе российский ученый, академик РАН). Многих из его знакомых я, в силу моей необщительности, не знал. Конечно, он был членом Дома ученых СО РАН и одним из самых прилежных читателей его библиотеки, где был хороший подбор книг, в том числе иностранных, и даже некоторое время, до чехословацких событий, наиболее известных западных газет. В «благословенные демократические времена» всего этого уже нет – теперь даже русских журналов и газет не выписывают. Меня поражал интерес Шляпентоха и Любы к литературе и искусству, и не просто интерес, а глубокое понимание. На столе у Шляпентоха всегда лежали журналы «Иностранная литература» и «Новый мир», постоянно шли разговоры о новых книгах и кинофильмах.

Шляпентох был чрезвычайно популярен и далеко за пределами Академгородка. Его дом был своего рода салоном, где считали за честь «отме-

тяться» многие уважаемые тогда в стране люди, приехавшие для выступлений в Академгородок.

Шляпентох был хорошим евреем: любил свой народ и гордился его достижениями в прошлом и настоящем. От него я впервые узнал, что закат Испании в конце XV в. начался после изгнания оттуда евреев. Когда я сообщил ему о своей женитьбе, первый его вопрос был: «Какой она национальности?» Узнав, что русская, с грустью сказал: «Гриша, мы такой маленький народ». Тем не менее он относился к ней очень уважительно и приветливо, как и ко многим другим русским друзьям и знакомым, которых ценил и уважал. К иудейской религии Шляпентох был безразличен. Будучи человеком мира, никогда не собирался уезжать в Израиль. Но и не переоценивал советских евреев. Мне очень приятно было услышать от него после нескольких лет знакомства: «Вы не еврей из гетто».

Я бесконечно благодарен Шляпентоху за помощь в трудный период моей жизни. ВАК «зарубил» мою кандидатскую диссертацию, защищенную в НГУ. Зарубил не за профессиональные недостатки, которых в ней было немало, а за ее рыночную направленность, что после чехословацких событий было в СССР большим грехом. После некоторого периода растерянности мне пришла в голову мысль, что можно защитить диссертацию по фондовым биржам. Мне тогда казалось, что я всё понимаю в рыночной экономике (приход которой в СССР тогда мне казался неизбежным), кроме фондовой биржи. И я решил соединить полезное с приятным – написать диссертацию на эту тему. Шляпентох моментально уяснил, что фондовые биржи совершенно не волнуют власти, и обещал помочь с защитой в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, где его хорошо знали и уважали. Всё произошло, как мы задумали. Я довольно быстро написал диссертацию, успешно защитил, и очень быстро она была утверждена ВАКом. Это не только позволило мне улучшить свое материальное положение и социальный статус, но и подготовиться к рыночным реформам в России. Сквозь призму фондовой биржи и других финансовых институтов я быстро понял, что реформы пошли крайне неудачно.

Отъезд Шляпентоха из Академгородка стал для меня неожиданностью. Он мне об этих намерениях раньше не говорил. Но теперь понимаю, что Академгородок начала 70-х годов потерял для него свою привлекательность. После чистки от диссидентов, при пассивности остальных жителей Академгородка он перестал уже казаться «островом свободы» в СССР. Отношения с Аганбеяном были испорчены; уехал его единомышленник, социолог В. Шубкин. Никто Шляпентоха, конечно, не стал отговаривать ни в НГУ, студенты которого им восхищались, ни в Институте экономики. Одним беспокойным человеком стало меньше, и слава богу.

Когда мы последний раз гуляли с ним по Академгородку, он, разведя руками, сказал: «Это ведь пустыня». Я понял, что он имел в виду интеллектуальный мир СССР. Ему, хорошо знающему историю СССР и уровень политической и интеллектуальной жизни на Западе, было с чем сравнивать. Я всегда помнил эти слова, наблюдая за развитием событий в СССР, даже когда они впервые начали радовать в период перестройки. Меня не покидали опасения, что перестройка может плохо кончиться, имея в виду низкий интеллектуальный и нравственный уровень советского общества после понесенных им в XX в. колоссальных потерь.

Встречи в Москве

Случилось так, что после изгнания в 1972 году из НГУ я начал работать в Институте по разработке АСУ. Поскольку наша лаборатория разрабатывала АСУ для отраслевой системы Госкомитета по внешнеэкономическим связям, мне довольно часто приходилось бывать по делам службы в Москве. Всякий раз я старался заходить к Шляпентохам. Они тогда уже жили в большой кооперативной квартире в хорошем районе Москвы. Конечно, этот период мне запомнился хуже. Митя поступил на исторический факультет Московского педагогического института, Саша заканчивала престижную школу с математическим уклоном. Вместе с ними жила мать Шляпентоха, переехавшая из Киева.

Не помню в деталях наших разговоров этого периода. Больше, конечно, о внутренней политике страны, которая постепенно (с перерывом на разрядку) ужесточалась. Старый «Новый мир» прекратил свое существование, Твардовский и его ближайшее окружение были оттуда изгнаны. Тем не менее всё еще выходили интересные книги, по-прежнему на столе была «Иностранная литература». Не помню интересных разговоров о работе Шляпентоха. С новым (после смещения либерального академика Румянцева) директором Института социологии Руткевичем отношения у него не сложились, их политические и научные взгляды сильно расходились. Не было и интересных новых проектов. Опросы общественного мнения если и не прекратились, то стали менее содержательными. Во всяком случае, работа уже не приносила Шляпентоху удовлетворения. Не помню, чтобы он, как в Академгородке, преподавал. Люба работала в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ). Мне запомнился ее рассказ о начальнике, который говорил своим подчиненным: «Товарищ не понимает, объясняю». Это очень веселило Любу.

Из друзей Шляпентоха, с которыми я у него пересекался, запомнил историка Лойберга; знакомого еще по Академгородку математика Адеева, постоянно проживавшего в Одессе; историка Романа Левиту, вынужденного жить в Калуге, не имея возможности из-за оппозиционности най-

ти работу в Москве. Иногда приходил наш общий знакомый экономист Виктор Белкин.

Я периодически информировал Шляпентоха о своих занятиях по пересчету советской макроэкономической статистики. Как статистик по второму образованию, Шляпентох, конечно, прекрасно понимал лживость советской макроэкономической статистики, но скептически относился к возможности ее разоблачения в СССР. Он понимал опасность моих занятий, хотя и не отговаривал от них. Когда в 1976 году на летней школе ЦЭМИ я впервые подробно изложил результаты своих макроэкономических расчетов за 1955–1975 годы и сделал вывод о неизбежности застоя в советской экономике при сохранении той же экономической политики, первым, к кому я поехал после доклада, был Шляпентох. Я подробно рассказал о выступлении, показал итоговую таблицу, в которой сопоставлялись мои расчеты и расчеты ЦСУ. Он ее внимательно рассмотрел и спросил: «Вы не заметили слежку?» Слежку я не заметил, но доносы, скорее всего, были. На моем выступлении было около 40 человек, и вполне вероятно, что среди них был хотя бы один осведомитель.

Во второй половине 70-х годов настроение Шляпентоха стремительно ухудшалось. Этому способствовали ухудшение внутривнутриполитического климата и атмосферы на работе, неудачи детей. Последнее, кажется, больше всего. Митя после окончания института не нашел более-менее приличной работы в Москве и вынужден был работать экскурсоводом. Очень травмировала Шляпентоха и Любу неудача при поступлении Саши на математический факультет МГУ. Если мне память не изменяет, к ней возмутительно несправедливо отнеслись при сдаче экзаменов (подробностей не помню). Шляпентох собирался идти с жалобой к секретарю ЦК. Из этого, как и следовало ожидать, ничего не вышло: в МГУ тогда евреев не брали.

Шляпентох усиленно занимался английским, прослушивал пластинки с английской речью. Для меня это было очевидным признаком того, что он готовится к эмиграции. Поэтому для меня не было неожиданностью, что он эмигрировал в США в 1979 году.

О его жизни в США и о впечатлениях от США я, как и другие его друзья, узнавал из его необыкновенно интересных и ярких писем, которые он писал Авдееву, а тот пересылал их в Академгородок, кажется, Соскину. Из них мы узнавали подробности о жизни в США, которые нам были тогда недостаточно известны. Они нередко были для нас, настроенных проамерикански, неожиданно критическими, совпадающими с некоторыми утверждениями советской пропаганды. Ничего мы не знали о его научных результатах, социальном положении, кроме того, что он стал профессором Мичиганского университета, о том, чем он занимается в научном отношении. Известно было, что дети успешно продолжают высшее обра-

зование: Митя в аспирантуре по истории, Саша в бакалавриате по математике.

Следующая наша встреча состоялась в 1989 году в Москве, куда он на пике перестройки после десятилетнего перерыва приехал с Любой как турист. Я в это время был в Москве и от кого-то узнал о намечающейся встрече с ними. Помню прекрасный летний день, когда мы, его друзья и единомышленники, после долгого перерыва встретились на чьей-то квартире. Пришло множество его друзей и хороших знакомых. Квартира была набита битком, за столом сидели впритык друг к другу.

В сущности, Шляпентох возвращался триумфатором. Из преследуемого он стал победителем. Он возвращался в страну, где его идеи торжествовали, всё больше принимались общественным мнением и даже властью. Разумеется, в силу интеллигентности он этого не показывал. Все были возбуждены встречей после долгого перерыва, в обстановке гласности, когда страх уже ушел. Все говорили наперебой. Шляпентох был очень возбужден только что прошедшим первым съездом народных депутатов СССР. Он говорил, что, следя за дебатами на съезде, он часто испытывал сексуальное возбуждение, на что Люба заметила: «Немного же тебе надо». Шляпентох был настроен более оптимистически, чем большинство собравшихся: растущие экономические трудности остужали наш оптимизм. Я с ним толком не поговорил, слишком много собралось желающих поговорить, более близких ему, чем я. Он только тепло обнял, расцеловал и поздравил с «Лукавой цифрой». На следующий день я должен был лететь домой.

Совершенно не помню, почему мы не встретились в 1990 году, когда я объезжал с лекциями основные советологические центры в США. Мичиганский университет к таковым не принадлежал (Шляпентох был единственным, кто там занимался советским обществом). Но примерно две недели я «отдыхал» в Гуверовском институте, мог бы позвонить. Я тогда пару дней гостил у Владимира Конторовича. Скорее всего, Шляпентоха в это время не было в США.

В 1991 году Шляпентох очень удачно выступил в российском журнале *Fair Play*, в котором ответственным секретарем был его старый друг Роман Левита. Судя по ссылкам и упоминавшимся событиям, статья была написана осенью 1991 года. Анализируя многочисленные проекты реформ советской экономики, Шляпентох с большим знанием опыта западной экономики развеял многие мифы о рыночной экономике, бытовавшие в СССР, где знатоков западной экономики было очень мало (они не разбирались и в советской экономике). Особенно сильно и квалифицированно Шляпентох атаковал радикальных приватизаторов, которых, кажется, первым назвал «большевиками наизнанку». Он сочувственно цитировал авторов

«Нашего современника», критиковавших проекты приватизации. Такое не было принято в тогдашней либеральной среде. Статья была проникнута глубокой тревогой за будущее российской экономики. Как в воду глядел. К аналогичным выводам, пусть не так удачно сформулированным и обоснованным, пришел той же осенью и я во время пребывания в Стокгольме в институте по изучению СССР и Восточной Европы.

Последний раз в Москве я его встретил довольно случайно в 1992 году на каком-то мероприятии в ЦЭМИ. Серьезного разговора не получилось. Помню только, что на выходе он столкнулся с только что избранным в академию экономистом. Отойдя, Шляпентох сказал: «За какие научные заслуги его избрали?» Он думал, что с устранением советской власти в академии начнут выбирать только достойных. Кстати, этот новый академик был достойнее многих других старых академиков-экономистов.

Встречи в США

В США мы встретились только осенью 1998 года через два месяца после оглушившего Россию и мир российского дефолта. В Мичиганском университете была организована конференция об экономических реформах в бывших социалистических странах, и Шляпентох добился приглашения меня в качестве единственного участника из России. Я был в США уже далеко не столь популярен, как после «Лукавой цифры» (см. подробнее в [1]), почти забыт, появились новые экономические кумиры из России, и, возможно, Шляпентоху пришлось приложить немало усилий для моего приглашения.

Шляпентохи встретили меня в аэропорту. Они мало изменились с 1989 года. Вела машину Люба. Дом Шляпентохов был на территории студенческого кампуса. По российским меркам – роскошный, по американским – весьма скромный. Первое, что меня поразило в доме, это обилие на столе в гостинной российских литературных журналов и детективов. Включая ненавидимый либеральной интеллигенцией «Наш современник». В России к этому времени литературные журналы почти не читали, их тиражи сократились по сравнению с периодом перестройки в сотни раз. Тем приятнее было увидеть исключения – в США! Но больше всего меня поразили российские детективы в мягких обложках, которые я считал мусором и совершенно не читал. «А это зачем?», – спросил я у Шляпентоха. – «Я узнаю из них реальную жизнь в России», – ответил он. Для Шляпентоха детективы было одним из окон в российскую жизнь. Он регулярно смотрел также российское телевидение.

После расспросов обо мне, академгородковских общих знакомых перешли к его жизни в США. Тогда я впервые узнал, каким влиятельным экспертом по СССР он был в США в 70–80-е годы. Затем перешли к рос-

сийским делам. Он был полон отвращения к установившемуся в России политико-экономическому режиму, считая его мафиозным и тупиковым. Не меньший ужас, чем власть, у него вызывала российская интеллигенция, ее растущий аморализм. Он, часто бывая в России, спрашивал много раз, кому не подадут руку, и не получал ответа. В обоих вопросах наши позиции снова совпали. В очередной раз вспомнилось: каждый народ имеет тех правителей, которых заслуживает.

На короткий период зашел Митя. Он уже был преподавателем российской истории в одном из американских университетов. Поразил меня глубоким пониманием положения в современной России. У него уже была семья. О Саше узнал, что она замужем, есть дети, преподает математику в одном из американских университетов, много печатается. Словом, с детьми всё было в порядке. Было зачем уезжать из России.

Я поселился в гостинице на территории кампуса. Утром Шляпентох устроил мне экскурсию по территории кампуса. Кампус был обширный и благоустроенный. Вечером мы пошли на симфонический концерт в здании университета. Я, стыдно признаться, профан в классической музыке, поэтому ничего не могу сказать об исполнении. Произвел впечатление прекрасно оборудованный зал, который был полностью заполнен слушателями. Шляпентох слушал с огромным вниманием.

На следующий день открылась конференция. На ней было совсем небольшое число участников, в отличие от многолюдных российских экономических конференций. Но зато каждый участник имел достаточное время для подробного изложения результатов своих исследований. Больше всего было докладов по Китаю. Они поразили меня своим высоким уровнем. Хотя я регулярно читал журнал «Дальний Восток», где преобладали статьи о Китае, то, что я услышал здесь о китайской экономике, было несравненно содержательнее и глубже того, что я читал о Китае в России. Видна была огромная разница в профессионализме американских и российских ученых.

Перед тем как предоставить мне слово, Шляпентох кратко и очень тепло охарактеризовал мои научные достижения. Особо отметил как свидетельство моего профессионализма то, что я, в отличие от большинства российских академиков-экономистов, которые в период кризиса и до него (в банке «Чара») потеряли свои вклады, ни одного дня не держал вклады в российских банках.

Я на основе проделанных к этому времени альтернативных макроэкономических оценок представил таблицу со сравнением официальных данных и моих цифр, кардинально отличающихся в худшую сторону. Особенно по динамике основных фондов. Из количественного и качественного анализа состояния российской экономики я пришел к выводу, что вы-

ход из экономического тупика возможен лишь на путях авторитаризма и частичного огосударствления экономики для необходимой мобилизации ресурсов. Мое выступление ввиду моего плохого английского переводил Шляпентох. Это, конечно, сильно ослабило впечатление от доклада (вместе с переводом он занял минут 45). Тем не менее было довольно много очень содержательных вопросов. После окончания конференции мы в компании с одним из его коллег пообедали в профессорском ресторане, где я ужаснул его коллегу заявлением о неизбежном приходе нового Сталина для спасения российской экономики. К счастью, я тогда ошибся, хотя авторитаризм таки пришел в Россию через пару лет, после прихода к власти В.В. Путина.

Мы еще раз встретились на квартире какого-то знакомого Шляпентоха, кажется, в Нью-Йорке. Там было еще несколько бывших российских ученых (среди них Арон Каценелинбойген), но эта встреча ничего не добавила к моим тогдашним впечатлениям о Шляпентохе.

С тех пор я узнавал о нем из переписки по электронной почте с Владимиром Конторовичем и из новых книг Шляпентоха. Одна – «Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом» – вышла на русском языке в 2003 году и представляла собой подробную автобиографию [2]. В ней Шляпентох на примере своей жизни в сталинском СССР очень эмоционально показал, каким адом для мыслящих молодых людей, особенно евреев, была жизнь в сталинское время после войны. Из этой книги я узнал многое о его жизни и понял многие его последующие мысли и поступки.

Другие две, на английском, он прислал мне почтой. В них дан глубокий анализ советского и постсоветского российского общества. Книга «Нормальный тоталитаризм» [3] названием напоминала знаменитый фильм Ромма «Обыкновенный фашизм». Она не была *разоблачительной*, хотя о недостатках советской системы говорилось в ней много. Скорее меня уже при первом чтении поразил ее спокойный и объективный тон. Шляпентох отмечал не только слабые, но и сильные стороны советской системы. Он анализировал ее с помощью сочетания макросоциологического, конкретно-социологического и экономического анализа, опираясь на колоссальное количество источников, о многих из которых я никогда не слышал. Достаточно сказать, что в тексте книги их перечень занимает 28 страниц. Жаль, что она до сих пор не переведена.

Другая книга, «Современная Россия как феодальное общество» [4] (при небольшом участии Джошуа Вуда), произвела на меня огромное впечатление уже при первом чтении. Она была посвящена анализу постсоветского российского общества. Оно характеризовалось как современный аналог феодального общества. Эта мысль была впервые высказана и обоснована им еще в 1996 году, на заре постсоветской России, в статье во влиятель-

ном журнале Europe-Asia Studies. Уже потом (неясно, в какой связи с этой статьей) появились аналогичные статьи российских и западных исследователей. Я, во всяком случае, ничего не зная об этой статье, высказал ту же мысль, выступая в 1998 году в Колумбийском университете. Видимо, она носилась в воздухе.

Но в книге «Современная Россия как феодальное общество» эта концепция была глубоко обоснована. Здесь Шляпентох проявил свои самые сильные качества: одновременно историка феодализма, социолога и блестящего знатока современной России. Потрясает количество использованных им источников из западной и особенно российской литературы, прежде всего из российской периодики и беллетристики. Просматривая эту книгу заново, я обнаружил, что среди авторов, на которых он ссылается, больше всего ссылок на прекрасную и глубокую журналистку Юлию Латынину. Ее описание российской экономики и общества и мне всегда казались самыми глубокими. Не знаю лучшей научной книги о современной России. Тем не менее временами Шляпентох был несправедлив. Так, он всех олигархов (думаю, по недостатку информации) стриг под одну гребенку, как грабителей. Игнорировалась, например, выдающаяся предпринимательская деятельность Михаила Ходорковского во главе ЮКОСА, которую отмечал даже ненавистник олигархов Александр Проханов.

В начале 2000 году от Владимира Конторовича узнал, что у Шляпентоха рак. Тогда в России такой диагноз ассоциировался с близкой смертью. Я был потрясен этим известием. Американская медицина дала ему еще 15 лет плодотворной жизни, но в конце 2015 года в возрасте 88 лет он скончался. И хотя я был готов к этому, всё же глубоко скорбел о своем старшем товарище и учителе.

Литература

1. Халин Г.И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 139–163. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-139-163.
2. Шляпентох В.Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. – СПб.: Звезда, 2003. – 256 с.
3. *Shlapentokh V.* A normal totalitarian society: how the Soviet Union functioned and how it collapsed. – Armonk, New York; London: M.E. Sharpe, 2001. – 340 с.
4. *Shlapentokh V., Woods J.* Contemporary Russia as a feudal society: a new perspective on the Post-Soviet era. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 269 p.

Статья поступила в редакцию 15.06.2018.

Статья прошла рецензирование 29.06.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451

WISE SENIOR FRIEND VLADIMIR SHLAPENTOKH**Khanin Grigory,***Dr. of Sc. (Economics), Professor,**Professor of the Siberian Institute of Management –**the branch of the Russian Presidential Academy**of National Economy and Public Administration,**6, Nizhgorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation**khanin@yandex.ru***Abstract**

The author tells about his acquaintance with an outstanding Soviet, and later American economist, sociologist V. E. Shlapentokh. The paper also describes his work in scientific institutes of Novosibirsk Akademgorodok, as well as his political and economic views. The author draws attention to the estimates given by V.E. Shlapentokh to prominent Novosibirsk economists and sociologists of the 1960s, his attitude to political events in Russia and in the world. The paper analyzes the attitude of Shlapentokh to the political process of Sinyavsky-Daniel and to the case of signing the “protest letter” by scientists of Akademgorodok. The author gives evaluations to his books: “Sociology for All”, “Fear and Friendship in Our Totalitarian Past”, “A Normal Totalitarian Society”, “Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era.” The author describes the attitude of Shlapentokh to Jewry and Judaism. And he also recollects his meetings and conversations with V. E. Shlapentokh after his moving to Moscow, and then to the USA.

Keywords: Shlapentokh V.E., sociology in the USSR, Akademgorodok, “Contemporary Russia as a Feudal Society”

Bibliographic description for citation:

Khanin G.I. Wise senior friend Vladimir Shlapentokh. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 1, pt. 2, pp. 437–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451.

References

1. Khanin G.I. “Lukavaya tsifra”: 30 let spustya [“The Crafty Figure”: 30 years later]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, iss. 2, pt. 1, pp. 139–163. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-139-163.
2. Shlapentokh V.E. *Strakh i druzhba v nashem totalitarnom proshlom* [Fear and friendship in our totalitarian past.]. St.-Petersburg, 2003, Zvezda Publ. 256 p.
3. Shlapentokh V. *A normal totalitarian society: how the Soviet Union functioned and how it collapsed*. Armonk, New York; London, M.E. Sharpe, 2001. 340 p.
4. Shlapentokh V., Woods J. *Contemporary Russia as a feudal society: a new perspective on the Post-Soviet era*. New York, Palgrave Macmillan, 2007. 269 p.

The article was received on 15.06.2018.

The article was reviewed on 29.06.2018.